

Старшая служанка закипала от гнева, но не смела молвить и слова. Их маленький принц отличался от остальных детей: раньше он ни к кому не привязывался, кроме си-фэй, никого толком не признавал. Но стоит ли удивляться, ведь этот маленький компаньон словно опоил его дурманным зельем — мальчик готов был проводить с ним целые дни напролет.

Несколько дней назад Лу Цзыяо взял отгул, и за эти четыре дня маленький принц устроил не одну вспышку гнева. Обычно стоило ему выпить молока, как он тут же затихал и становился послушным, но в те дни от молока он лишь чаще вспоминал о Лу Цзыяо. Дрыгая пухлыми ножками, он требовал от дворцовых служанок «выдать его господину», то есть вынь да положь им этого маленького компаньона.

А в один из дней Его Высочество и вовсе куда-то сбежал, и лишь позже Лу Цзыяо привел его обратно за руку — чистая чертовщина, да и только. Послушав рассказ маленького евнуха о том, как странно Лу Цзыяо тыкал маленького принца в животик, служанка заподозрила неладное. Вернувшись, надо обязательно доложить об этом Ицю.

Вечером Лу Цзыяо проводил пухлого малыша во дворец Цинцун. Си-фэй во дворце не оказалось, и служанка велела ему прийти в другой день. Обычно, даже если си-фэй не было на месте, он мог спокойно подождать в гостиной. Лу Цзыяо подозревал, что служанка намеренно чинит ему препятствия, но делать было нечего: выйдет сейчас из дворца — назад уже не попадет, так что оставалось лишь сбросить стыд и упорно стоять на своем.

Но дворцовая служанка продолжала одаривать его недовольными взглядами. Лу Цзыяо пришлось проявить твердость и сбrehать, будто седьмой принц сам велел ему остаться во дворце Цинцун, так как захотел рассказать ему вечером сказку.

Служанка в мгновение ока переменилась в лице, поспешно склонила голову и присела в реверансе. Лу Цзыяо сначала подумал, что она кланяется ему, но край глаза уловил, что все служанки в комнате склонились лицом к дверному проему. Повернувшись, он обомлел.

Седьмой принц стоял в дверях с плюшевой игрушкой в руках и недоуменно разглядывал его.

Лу Цзыяо: «...»

Пропал! Пухлый малыш вовсе не собирался рассказывать ему на ночь сказки!

— Как Его Высочество здесь оказался? — смущенно спросил Лу Цзыяо.

Старшая служанка уже шагнула вперед и с умыслом спросила маленького принца:

— Ваше Высочество собирается вечером рассказывать господину Лу сказку?

Седьмой принц задрал голову, посмотрел на Лу Цзыяо, а затем скорчил лукавую, торжествующую ухмылку.

Глупый Лу Цзыяо и впрямь захотел, чтобы Его Высочество рассказал ему сказку!

Лу Цзыяо весь напрягся, абсолютно не понимая, чему так хитро ухмыляется пухляш...

— Лу Цзыяо, — подал голос седьмой принц.

— А? — Лу Цзыяо отчаянно струхнул.

— Ты и молочко сидите тихо и ждите, — надменно снизошел седьмой принц до просьбы

глупого Лу Цзыяо. — Я буду говорить, а вы — слушать.

Лу Цзыяо: «...»

Он же не просил слушать сказки вместе с молоком, эй!

Проснись, малыш!

Ты же сам выпил все молоко!

Как раз в эту минуту вернулась си-фэй.

После полудня она специально ходила засвидетельствовать почтение Императрице, но до сих пор не сумела выведать ни единой вести о первом принце, так что сейчас ее лицо выражало глубокую печаль. Узнав, что Лу Цзыяо просит аудиенции, си-фэй поспешила в гостиную. Она отпустила слуг и велела кормилице унести маленького принца.

— Ваше Высочество слышали о том, что Император отправил первого принца под домашний арест? — невтерпеж спросил Лу Цзыяо.

Си-фэй взволнованно ответила:

— Слышала еще вчера вечером. Сегодня я ходила во дворец ЧуСю засвидетельствовать почтение Императрице именно затем, чтобы расспросить о случившемся, но та не обронила ни слова. Единственные вести, что у меня есть, выкуплены у евнуха из Зала Воспитания Разума. По его словам, глава Астрономического управления господин Цинь на днях подал прошение о том, что прокладка Шуского тракта невозможна, но затем выяснилось, будто его предсказания ошибочны, и он получил двадцать ударов палками. Первый принц вчера заступился за господина Цинь перед Императором, из-за чего Император отчитал его и отправил под домашний арест.

— Господин Цинь? — Лу Цзыяо тут же вспомнил имя, которое слышал вчера при списании очков искупления: Цинь Чжаосюань.

Так он, оказывается, чиновник Астрономического управления.

— Этот господин Цинь наверняка тот человек, которого для нас подобрал первый принц, — си-фэй поняла это еще прошлым вечером. — Евнух говорил, что господин Цинь упомянул пророчество о «небесной каре через падающий камень» — скорее всего, этот слух тоже пустил первый принц, только неизвестно, когда он сбудется. Я слышала, что благоприятный день для начала работ уже передан в Кабинет министров новым главой Астрономического управления... Что же делать? Священный указ увидят со дня на день!

Лу Цзыяо тревожно нахмурился.

— Что случилось? — увидев его выражение лица, си-фэй перепугалась еще сильнее.

— Боюсь, ничего не выйдет... — тихо произнес Лу Цзыяо. — Первый принц, вероятно, хотел, чтобы господин Цинь тянул время в ожидании нужного момента, пока дурное предзнаменование не сбудется. Но теперь предсказание господина Цинь опровергнуто, а первый принц под арестом. Даже если спустя некоторое время вести о дурном предзнаменовании дойдут до дворца, они уже не смогут обелить себя.

— Почему? — широко распахнула глаза си-фэй.

— Потому что Император не может ошибаться, — Лу Цзыяо поникшим взглядом посмотрел на си-фэй. — Если бы удавалось затянуть дело и у Императора хватило терпения дожидаться исполнения пророчества, строительство, возможно, временно отложили бы. Но сейчас Император убежден, что господин Цинь не справился со своими обязанностями. И если вновь заговорить о дурном предзнаменовании, Император может прийти в ярость от стыда, объявить предзнаменование клеветой и ложью и даже приказать провести расследование, выведав организаторов. Тогда мы окончательно подставим первого принца.

У си-фэй потемнело в глазах!

Изначально Лу Цзыяо лишь хотел помочь си-фэй и ее сыну избежать первого бедствия, но мало того что сберечь их не удалось, так он еще и подорвал положение первого принца. Настоящее перехитривание самого себя!

В душе мешались тревога и чувство вины. Лу Цзыяо вполголоса спросил си-фэй:

— Как ни крути, но Император ведь должен считаться с Императрицей?

Си-фэй с досадой воскликнула:

— У Императрицы нет такой покровительницы за спиной, как у тун-фэй. Какая доля чувств осталась у них от юношеского брака, чтобы Император с нею считался?

— У Императрицы нет покровителей? — изумился Лу Цзыяо. — Император до вступления на престол был наследным принцем, как он мог жениться на...

— Ты ведь уроженец Великой Ци, как ты можешь не знать неписаных правил императорского дома? — удивилась си-фэй. — Слухи давно ходят, что Великий Предок Великой Ци опасался вмешательства родственников по женской линии в государственные дела, поэтому из поколения в поколение наследные принцессы происходили из простых семей, не обладающих могущественным влиянием.

Лу Цзыяо нахмурился еще сильнее.

Неудивительно, что в оригинале Императрица почти не участвовала в интригах — у ее родни просто не было никакого влияния.

От этого чувство вины перед первым принцем стало еще тяжелее.

В оригинальном романе первый принц выступил с призывом остановить работы над Шуским трактом, и Лу Цзыяо решил, что у того есть достаточные рычаги для этого, а потому втянул его в игру раньше времени.

Но если подумать, в оригинале, когда первый принц отговаривал правителя, сам Император уже был надломлен народным недовольством и потерял всякий пыл. Тогда первый принц просто выбрал подходящий момент, чтобы дать Императору возможность сохранить лицо. Сейчас же ситуация была прямо противоположной!

Пытаться отговорить его сейчас — значит идти впрямую против воли Императора!

— Это моя вина, — пробормотал Лу Цзыяо; от нахлынувшего раскаяния голова у него пошла

кругом.

Он спотыкающейся шаркающей походкой подошел к чайному столику, присел и забормотал, словно забыв об окружающих:

— Не удалось избежать беды, так еще и первого принца подставил... Во всем виноват я. Тот... как поживает господин Цинь? Понести наказание палками следовало мне!

— Лу Цзыяо? — си-фэй перепугалась, увидав, как побледнел мальчик, и поспешно подошла, чтобы утешить его. — Не расстраивайся ты так. Евнух сказал, что до начала строительства нельзя допускать человеческих жертв, так что господин Цинь отделался лишь легкими ушибами.

Лу Цзыяо не ответил. Казалось, он окончательно погрузился в отчаяние и самобичевание — он сгорбился, закрыл лицо руками и свернулся, точно креветка.

Си-фэй смотрела на него со сжимающим сердце состраданием. Она подошла ближе и ласково произнесла:

— Лу Цзыяо, я всегда считала тебя настоящим маленьким мужчиной и не могу видеть, как ты истязаяешь себя преданием унынию. На этом свете нет любимчиков судьбы, у которых всё складывается само собой. Ты сделал всё, что мог, я это видела, а каков уж результат — на то воля небес. Я не позволю тебе так опускать руки! Нас с сыном ведь не ведут на эшафот. Нам еще полагаться на тебя, когда ты взоберешься на стол и станешь подпирать для нас небо — ты ведь сам это говорил!

Лу Цзыяо по-прежнему хранил молчание, не отнимая рук от лица.

Си-фэй со вздохом присела рядом с ним.

— Вы всё еще готовы верить мне? — спустя долгое время Лу Цзыяо медленно поднял голову. Со слезами на покрасневших глазах он выдохнул слабым голосом: — Дайте мне еще один шанс.

Си-фэй обомлела и, опустив длинные ресницы, молча встретила с ним взглядом.

— Разумеется, готова, — си-фэй горько улыбнулась. — Любое старание сопряжено с риском неудачи, но это всяко лучше, чем сложить руки и ждать смерти. Ты и первый принц — благодетели для меня и Седьмого. Неужели из-за того, что замысел не удался, я стану неблагодарной дрянью и обернусь против вас?

Лу Цзыяо серьезным взглядом посмотрел на си-фэй:

— У меня есть еще один способ... Отчаянная попытка, но она может заставить Императора передумать. Однако исполнить ее придется вам лично.

В глазах си-фэй мелькнула робкая опаска, и она тихо попросила:

— Говори.

Лу Цзыяо пристально посмотрел на нее:

— Я слышал, на каждый ваш день рождения колдунья устраивает алтарь и совершает обряд? Эта колдунья приехала с вами из вашей родной страны?

— Откуда ты всё это знаешь? — удивилась си-фэй. — Только не зови её колдуньей. У нас таких зовут тетушка По, а именинный обряд — вовсе не колдовство, а молитва о благословении, древний обычай моей родины.

Лу Цзыяо кивнул.

Всё верно. В оригинале, когда си-фэй стала вдовствующей императрицей, перед ее именинным пиром Лу Цянь специально разыскал самую известную шаманку из ее родного края, чтобы та провела для нее этот ритуал.

<http://bllate.org/book/18379/1766873>